

Интрига

Лада ЛУЗИНА

Я — ВЕДЬМА!

Повести и рассказы

Рисунки Лады Лузиной

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2013

Я сидела на крышке унитаза и, с мученическим выражением лица, выдергивала пинцетом для бровей волосы на ногах. Зла была, словно сто чертей, впрочем, как и любая другая женщина, занимайся она столь идиотским делом.

— Маша, ну скоро ты?! — поторопил нетерпеливый мужчина за дверью.

От неожиданности моя рука дрогнула и пребольно ущипнула ногу.

— Да пошли вы!.. — рассерженно огрызнулась я, но тут же опомнилась. — ...шли бы вы на пляж без меня. Я догоню...

Так всегда — собираясь в отпуск, я вечно что-нибудь забываю. То расческу, то зубную пасту, то крем. Но такой жизненно важной штуки, как станок для бритья, не упускала из виду еще никогда. И главное — одолжить не у кого. Линда у нас леди, загодя сделала себе эпиляцию во всех местах. И не преминула заявить мне, что бритье для женщины — это вульгарно.

— Мы без тебя никуда не пойдём, — просюсюкал парень. — Ты сама с горы не спустишься. Или тебя, такую красивенькую, по дороге украдут.

Вот привязался. Ему-то какое дело, он вообще жених Линды!

— Маша, — прервал его рассудительный голос невесты. — Не торопись. Догонишь нас с Шуриком по дороге. Мы пойдём на наше обычное место...

Нет, дурное дело отдыхать втроем с подругой и ее женихом. Отдых без мужчин имеет свой кайф — можно ходить зачуханной, облезлой, обросшей и вполне счастливой. Ехать на курорт со своим персональным воздыхателем — тоже занятие увлекательное. Роман — это постоянная интрига, смена образов, нарядов, развлечений и настроений. А тут: ни то ни се. И мужика у тебя нет, и все равно в руках себя держать надо. Соответствовать. Первый день я кое-как с обрастающими ногами проходила (если не гладить, а гладить мои ноги было совершенно некому, то ничего, — незаметно). А сегодня конечности оцети-

нились неопрятными черными волосками. И я бы сдохла от комплекса неполноценности, если бы пошла с такими ногами на пляж. Тем паче, Линдин Шурик что-то уж слишком тщательно их разглядывает...

— Э-у-а!!! — помахала я им рукой с горы.

Хотя, если честно, этот крик восторга адресовался вовсе не моим дачным сожителям, а Морю. Искристо-синему, огромному, сразу же нахлынувшему на меня сияющим золотым счастьем. Море, любовь моя! Ни горы, ни лес, ни какое иное явление природы никогда не вызывали у меня столь мгновенного бравурного восторга. Такого нестерпимого желания кинуться в объятия. Такого адреналина в крови.

Говорят, раньше церковнослужители строили храмы, а правители возводили дворцы, чтобы человек чувствовал себя в сравнении с ними маленьким и убогим. Я никогда не понимала этой теории. Именно три вещи в мире — храмы, дворцы и море — порождали во мне ощущение своей огромности и бесконечности. Заходя в них, я чувствовала себя храмом, дворцом... Морем.

— Э-э-э-эй! — закричала я снова, приветствуя его, свое второе «Я», уже будучи им, волной, водой, стихией, готовой кинуться кубарем с горы — домой, в нестерпимо яркую, теплую синьку.

Неожиданно, оставив Линду посреди горы, Шурик ринулся мне навстречу. Я оторопело смотрела на него, приближающегося. Линда спокойно глядела ему вслед, опираясь на ручку большого синего зонтика, без которого она никогда не ходила на пляж. Белоснежка — она сгорала от первого луча солнца.

Даже не запыхавшись, Шурик подбежал ко мне и протянул руку:

— Давай помогу, а то упадешь...

Я неуверенно отдала ему свою ладонь. Конечно, бежать со всех ног к барышне, чтобы помочь ей спуститься с горки, — поступок джентльменский. Но вот по-джентльменски ли бросать ради этого святого дела свою невесту?

В подобных тонкостях я не разбиралась и оттого нахмурилась и скисла. Может, Линда сама послала его, она-то у нас кисейная барышня, свято блюдушая все тонкости этикета. В день нашего приезда, когда ее жених не удосужился подать мне руку, чтобы помочь спрыгнуть со ступенек поезда, она отчихвостила его по полной программе. Хотя, как по мне, совсем не стоило делать это в моем присутствии.

— Осторожнее, осторожнее, ставь сюда лапку... — ласково приговаривал Шурик. — А то еще ножку сломаешь. Жалко, такие ножки...

Вместо того чтобы смотреть под ноги, я постоянно косилась на Линду и спотыкалась. Она была воплощенное спокойствие. Спокойные, почти равнодушные глаза. Спокойные, гладко зачесанные волосы. Статуя. Лишь светлое платье развевается на ветру. Но мне казалось, даже он, хулиганистый ветер с моря, делает это осторожно и вежливо, зная, что имеет дело с настоящей дамой, не допускающей моветона.

— Ай! — оступилась я.

— Ну что ж ты такая неосторожная, — пропел Шурик и, легко подхватив меня на руки, донес до места.

— Вот и мы, — кивнул он невесте, сгружая меня к ее ногам, словно чемодан.

— Хорошо, — произнесла она без улыбки. — Пошли.

— Машенька, давай ручку, — засуетился Шурик. — И ты Линда тоже...

Ох, не нравится мне все это!

* * *

Линда позвонила неожиданно. Я как раз благополучно похоронила свой последний роман, в компании которого намеревалась нежиться на морском побережье. И уже успела смириться с мыслью, что ни любовь, ни отдых, ни море нынешним летом мне не светят. Вместе с любимым испарилось и финансовое благополучие. Сама я Золотой берег, увы, не тянула. И изнывала в киевской квартире злая, несчастная, отравленная городской жарой, а на зубах моих скрипела пыль и разбитые вдребезги надежды.

— Какие проблемы? — с не свойственным ей азартом откликнулась Линда. — Через три дня мы с женихом едем отдыхать под Севастополь. У его дяди дача на Феоленте. Давай с нами. Там всем места хватит...

— Как-то неудобно, — искренне заколебалась я. — Жених, море... Я же буду вам мешать.

— Даже в голову не бери, — отрезала она. — Втроем веселее. Я все равно собиралась ехать с Таней. Но она не смогла. Так что у нас уже и билет на третьего человека куплен.

— Ну, если так...

В моей душе грянуло победное «УРА!!!!!!!». Зазвучали все марши сразу. Радость прорвала коросту будничной город-

ской безнадежности, и море, еще далекое, но уже близкое, хлынуло в мои объятия освежающим душем. И я затянула разговор до неприличия, выспрашивая, что и как, сбивчиво благодаря и пичкая Линду комплиментами, ибо в ее голосе для меня уже слышался шум волн, и я счастливо вжимала ухо в трубку, как ребенок в заветную раковину, в глубине которой звучит вечный прибой.

С избранником Линды я познакомилась лишь на вокзале. Он поразил меня сразу, причем по трем пунктам. Прежде всего своим размером. Столь массивных мужчин я не видела еще никогда. Именно таких, как он, хилые герои комедий бьют в потасовке бутылкой по голове пять раз подряд, а те знай себе флегматично ковыряются зубочисткой в челюстях да почесывают в затылке. Небрежно собрав в пригоршню ручки наших раскормленных нарядами чемоданов, он расфасовал их по полкам с такой удивительной легкостью, с какой я могла бы перемещать только воздушные шары.

Когда же, тронувшись с места, поезд тихо пополз на юг и мы начали обуючивать оккупированное купе, парень убил меня наповал второй раз — своей нескрываемой влюбленностью в Линду. Впервые в жизни я поняла: сдувать пылинки — не фигура речи. Он носился с ней как дурень с писаной торбой. Подсаживая на вторую полку, умудрялся походя поцеловать ее то в коленку, то в локоток. Заботливо поправлял ей подушки и простынки. Непрерывно бегал исполнять ее поручения: за чаем, за водой, за едой в вагон-ресторан. И кажется, попроси ненаглядная персик или мандаринку, понесся бы за ними пешком в Крым, обгоняя паровоз.

Но прибегать к столь крайним доказательствам любви нужды не возникало, фрукты кучковались по купе в неприличном изобилии, — Шурик закупал их на остановках ведрами. И, от нечего делать, я обжиралась витаминами, вяло наблюдая чужое сладкое счастье. Романтично вздыхая про себя, я несколько им не завидовала. Не потому, что я святая, — нет. Из-за отсутствия искушения.

Странная закономерность: все мои подруги, выбирая себе мужей, умудрялись находить типажи, не вызывающие у меня ничего, кроме физического неприятия. И Шурик имел все основания оказаться во главе этого черного списка. Будь он не Линдиным, а моим кавалером, высек бы из меня лишь одно желание — бежать от него со всех ног. Его крепкая шея, мускулистые руки, дебелие плечи, массивные крепкие ноги в обтягивающих

джинсовых шортах казались мне откровенно страшными. Он не был толстым — просто ужасающе большим и сильным. И даже я, девушка далеко не мелких размеров, понимала: роман с таким Геркулесом изначально не предполагает равноправия. Слишком уж не равны силы. Приятно, конечно, когда жених носит тебя на руках, словно пушинку... Но ведь так же легко он может сломать тебе шею, не так ли? И рано или поздно, когда коса найдет на камень, вечный инстинкт мужчины побеждать вырвется из него, и он просто стукнет кулаком по столу, а ты автоматически примешь свою вторую роль.

Но сейчас Шура до смешного напоминал укрощенного, прирученного мамонта, радостно внимающего приказаниям своей маленькой победительницы. Чем больше третировала его Линда, тем с большим восторгом он на нее взирал. И на ее невозмутимом лице было написано чувство глубокого удовлетворения. Это, собственно, и стало моим удивлением «номер три».

Зная Линду пять лет, я бы ни в жизнь не предсказала, что она выберет себе в женихи подобного Илью Муромца.

Линда вообще была чудной. Дочь вышедшей на пенсию балерины и богатенького папочки, заработавшего денежки еще при советской власти и исхитрившегося не только сохранить капиталы на сломе эпох, но и приумножить их за десять лет существования «самостийной» Украины. Единственное дите, вскормленное с детства серебряной ложкой, которое невесть почему наотрез отказалось идти по стопам своей мамы, занимающейся нынче исключительно растратой мужниных средств. И, вместо того чтобы шляться в свое удовольствие по магазинам и ночным клубам, делало все возможное, чтобы стать старой девой.

Она была ужасающе правильной! Правильно питалась, правильно пережевывала пищу, правильно себя вела и вела правильный образ жизни. Выучилась на историка, писала какую-то жутко заумную диссертацию, носила юбки до пят и рассуждала про идеальную любовь. Точнее, Линда называла ее «абсолютной». Имелась в виду любовь без всяких «но» — измен, обид, недопонимания и т. д. «Нельзя прощать, — говорила она мне. — Ты простишь его раз, потом еще десять раз, и чего добьешься в результате? Прирастешь кожей к человеку, тебе не подходящему, регулярно совершающему поступки, тобой не уважаемые. Нет, мой избранник должен подходить мне, как ключ к замку».

СОДЕРЖАНИЕ

МАША И МОРЕ*. <i>Рассказ</i>	3
АФРИКА. <i>Рассказ</i>	49
ПРОСТО СНЫ. <i>Рассказ</i>	83
КРЕЩЕНСКИЕ ГАДАНИЯ. <i>Повесть</i>	99
СМЕРТЬ И ДВЕ КОРОЛЕВЫ. <i>Рассказ</i>	173
ТАЙНА БРАСЛЕТА ВУДУ. <i>Повесть</i>	213
МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ. <i>Рассказ</i>	289
<i>Наталья Могилевская.</i> НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ НАТАЛЬИ МОГИЛЕВОЙ	344

* Ранее рассказ публиковался под названием «Колдовская любовь».